

Научная статья
УДК 340
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-29-35>

О некоторых идеях относительно правотворчества современных отечественных исследователей

Дробышевский Сергей Александрович¹, Красовская Наталья Сергеевна²

^{1,2}Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

¹sergiidrobicevski@gmail.com

²nat.kras06@gmail.com

Аннотация. На базе осмысления ряда опубликованных в российских юридических изданиях суждений сформулированы полезные для теории и практики правотворчества выводы. В частности, во-первых, некорректно представление, что суть правотворчества есть «поиск права». Ведь до правотворчества права еще нет. Во-вторых, ошибочно следующее умозаключение: «Цифровизация общественных отношений приводит к тому, что все процессы в обществе, включая правовую сферу, многократно ускоряются. Появляются все новые и новые группы отношений, в том числе складывающиеся в виртуальном пространстве, которые не урегулированы правом. В итоге правотворчество все больше отстает от темпов развития общественных отношений. Пока правотворческие органы обратят внимание на появление новой группы общественных отношений, предпримут усилия по разработке, обсуждению и принятию нормативного правового акта, отношения, складывающиеся под воздействием цифровизации, снова изменятся. В этих условиях процессы цифровизации приводят к тому, что правотворчество приобретает необратимо догоняющий характер. Многие принимаемые нормативные акты устаревают уже в тот момент, когда они вступают в силу». Аргументация в пользу ошибочности приведенного умозаключения очевидна. Если «все процессы в обществе, включая правовую сферу, многократно ускоряются», то не может быть и речи о том, что «правотворчество все больше отстает от темпов развития общественных отношений», и абсурдно заявлять, «что правотворчество приобретает необратимо догоняющий характер». В-третьих, отсутствуют и не предвидятся следующие выделенные в юридической литературе последствия цифровизации. «Возникает тенденция к снижению роли правовых актов в регулировании общественных отношений, к возможному появлению новых, еще не известных регулятивных систем, в том числе, возможно, квазиправовых регуляторов. Такая тенденция может привести к утрате правовыми актами своей роли, что скажется и на правотворческой деятельности». Причина нынешнего отсутствия и невероятности наступления таких последствий проста. Нет и никогда не сложатся условия, а именно отставание правотворчества «от темпов развития общественных отношений» и «догоняющий характер» правотворческой деятельности, вызывающие к жизни упомянутые последствия.

Ключевые слова: право, правотворчество, формальный источник права, культура правотворчества, правообразование, правоустановление, цифровизация общественных отношений, догоняющий характер правотворчества

Для цитирования: Дробышевский С. А., Красовская Н. С. О некоторых идеях относительно правотворчества современных отечественных исследователей // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 29–35. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-29-35>.

© Дробышевский С. А., Красовская Н. С., 2024

Original article

On some ideas regarding lawmaking of modern domestic researchers

Sergey A. Drobyshevsky¹, Natalya S. Krasovskaya²

^{1,2}Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

¹sergiidrobicevski@gmail.com

²nat.kras06@gmail.com

Abstract. Based on the understanding of a number of judgments from Russian legal publications, conclusions useful for the theory and practice of lawmaking are formulated. In particular, firstly, it is incorrect to imagine that the essence of law-making is the “search for law”. After all, there is no law before law-making. Secondly, the following conclusion is erroneous. “The digitalization of public relations leads to the fact that all processes in society, including the legal sphere, are accelerated many times. There are more and more new groups of relationships, including those developing in the virtual space, which are not regulated by law. As a result, lawmaking is increasingly lagging behind the pace of development of public relations. While law-making bodies pay attention to the emergence of a new group of public relations, make efforts to develop, discuss and adopt a normative legal act, the relations that develop under the influence of digitalization will change again. In these conditions, the processes of digitalization lead to the fact that law-making becomes irreversibly catching up. Many of the adopted regulations become outdated already at the moment when they come into force”. The argument in favor of the fallacy of the above conclusion is obvious. If “all processes in society, including the legal sphere, are repeatedly accelerated”, then there can be no question that “law-making is increasingly lagging behind the pace of development of public relations”, and it is absurd to declare “that law-making is becoming irreversibly catching up”. Thirdly, the following consequences of digitalization highlighted in the legal literature are missing and are not expected. “There is a tendency to reduce the role of legal acts in regulating public relations, to the possible emergence of new, as yet unknown regulatory systems, including, possibly, quasi-legal regulators. Such a trend may lead to the loss of its role by legal acts, which will also affect law-making activities”. The reason for the current absence and improbability of such consequences is simple. There are no and never will be conditions, namely the lag of law-making “from the pace of development of public relations” and the “catching up nature” of law-making activities, which cause mentioned consequences.

Keywords: law, lawmaking, formal source of law, culture of lawmaking, creation of law, establishment of law, digitalization of public relations, catching up nature of lawmaking

For citation: Drobyshevsky S. A., Krasovskaya N. S. On some ideas regarding lawmaking of modern domestic researchers. *Legal science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 29–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-29-35>.

Как известно, в нынешней России несовершенство практики правотворчества стало притчей во языцех [1, с. 100]. Притом очевиден факт, что указанное несовершенство практики частично обусловлено усвоением соответствующими практиками при их обучении правоведению идей из современной российской юридической теории.

В ней же пока имеется много того, что требует доработки. Речь идет, среди прочих вещей, об осмыслении связи правотворчества с формальными источниками права, соотношении правотворчества, правообразования и правоустановления предмета правотворческой деятельности в обществе, степени участия сознания участников суверенной власти в правотворчестве, сути правотворческой деятельности, влияния на правотворчество цифровизации.

Сама необходимость доработки идей по выделенной проблематике объясняется хотя бы следующим: выдвинутые теоретические

представления по каждой теме из упомянутых логически противоречат друг другу. И так как есть научные доводы в пользу того, чтобы одни из них считать верными, а другие – нет, то подобного рода аргументы следует привести для того, чтобы они были известны и теоретикам, и практикам правового регулирования. По крайней мере, без этого нельзя рассчитывать на улучшение правотворческой теории и практики.

Попытка такой доработки предпринята в последующем изложении. Теоретической базой этих усилий стало понимание права как системы норм, установленных в обществе суверенной властью. Методами явились наблюдение, выступающее как изучение соответствующей юридической литературы, а также анализ, синтез, сравнение, противопоставление, формально-логическое умозаключение. Потребовалось также обратиться к свойственному правоведению понятийному аппарату этой отрасли знания.

В результате применения указанных методов стало ясным следующее. С почти всеми дальше приведенными опубликованными идеями по выделенной проблематике современных отечественных авторов невозможно согласиться по вполне конкретным основаниям. Последние также далее приведены. Причем сделана попытка каждому неверному суждению противопоставить верное.

Если обратиться к первой из упомянутых идей, то В. А. Сапун и Я. В. Турбова заметили, что «правотворчество... приводит к созданию основных источников права» [2, с. 679]. Едва ли это суждение соответствует действительности. Право существует только как совокупность его формальных источников. Отсюда ясно, что результатом правотворчества являются все формальные источники права без какого-либо исключения.

Притом они, по крайней мере в России, выступают в обычной, а не в цифровой форме даже в условиях современности, а не только в истории. Не случайно, рассуждая о нынешних отечественных государственных и муниципальных информационных системах, Р. В. Амелин заявил следующее: «Потенциальная проблема заключается именно в том, что фактическое использование системы в качестве средства регулирования общественных отношений (т. е. источником права) *de facto* не подкрепляется признанием этого статуса *de jure*. В результате закрепленные в коде системы правила не могут приобрести легитимность через легальность, а на правосознание пользователей влияет убеждение, что закон не требует того, что хочет от него система. Принципиальное решение обозначенных проблем видится в системном и органичном включении правил (возможностей и ограничений), заданных в программном коде государственных и муниципальных информационных систем (далее — ИС), в систему права. Этого можно достичь либо действенными полумерами, разработав соответствующие интегрирующие положения (например, приняв закон о государственных информационных системах (далее — ГИС) и определив в нем правовой режим требований, проистекающих из работы этих систем), либо утверждением таких требований в качестве правовых норм, а также программного кода, объективирующего эти требования, — в качестве формы (источника) права и распространением на процесс создания и внедрения в государственные и муниципальные ИС принципов и механизмов, характерных для законотворческого процесса. Основное

значение будут иметь следующие принципы: законность (соответствие требований, зафиксированных в государственных и муниципальных информационных системах (далее — ГМИС) нормативных правовых актов, согласованность их между собой и с требованиями иных ГМИС; открытость исходного кода; общественное обсуждение технического задания и проектной документации ГМИС, экспертиза соответствия фактического кода проектной документации; наличие правового механизма отказа от некорректно работающей (в том числе не соответствующей законодательству) информационной системы» [3, с. 13–14].

По поводу соотношения правотворчества и формальных источников права имеется еще одна теоретическая позиция. Как пишет В. С. Афанасьев, «процесс, в рамках которого появляются законы и иные нормативные правовые акты,... в литературе обычно называют правотворчеством» [4, с. 4; 5, с. 319].

Это теоретическое представление не может быть признано верным. Так, обстоят дела по той же причине, по какой некорректна изложенная идея В. А. Сапуна и Я. В. Турбовой: правотворческая деятельность является процессом по созданию всех формальных источников права.

Нередко правотворчество отграничивают от правообразования. Скажем, по словам В. С. Афанасьева, «следует говорить о правообразовании, то есть процессе первоначального зарождения норм права в общественных отношениях до их закрепления в законе» [4, с. 5].

Нужно заметить, что до указанного «закрепления» отсутствуют нормы права, вопреки мнению В. С. Афанасьева. Нормы становятся правовыми лишь в итоге такого «закрепления». На этом основании выделять правообразование или зарождение права до правотворчества некорректно, равно как и писать о том, что «последовательную смену этих двух процессов: правообразования и правотворчества, имеющих общий результат... можно назвать правоустановлением» [4, с. 5] как «единый процесс возникновения норм права от их зарождения в реальных общественных отношениях до закрепления в соответствующих нормативных правовых актах» [4, с. 5].

В научной литературе изложена следующая идея. «В ходе развития общества возникают новые, не урегулированные правом отношения людей. Первоначально они принимают различную форму, но постепенно в поведении субъектов этих отношений закрепляются наиболее удобные и выгодные для них формы. Эти варианты

поведения становятся привычными, постепенно формируются определенные правила, которые получают всеобщее признание. Именно эти правила признаются государством и в дальнейшем закрепляются им в нормативно-правовых актах в качестве общеобязательных» [4, с. 5].

Едва ли эта идея является верной. Ведь суверенная власть не формулирует правила в качестве правовых норм, которые и без таких ее усилий «получают всеобщее признание», то есть реализуются всеми членами общества.

Что касается возможностей упомянутой власти при правотворчестве, то она, как правильно замечено В. С. Афанасьевым, «не безгранична» [4, с. 4]. Скажем, она ограничена рамками способностей адресатов права осуществлять юридические предписания.

Во всех случаях правотворчество выступает сознательной деятельностью представителей суверенной власти в обществе. Ведь сознательный характер имеет все социальное управление, частью которого является правотворчество.

Правда, есть и иного рода суждения о правотворческой деятельности. Согласно одному из них, «большинство норм права в отношении людей формируются стихийно» [4, с. 6]. Причем отмечено, что «происходит это следующим образом.

Первоначально под воздействием всей системы факторов в ходе социального развития возникают новые общественные отношения, приобретающие массовый характер. Сначала люди действуют по-разному, выбирая свой вариант поведения, но поскольку они живут в одинаковых социальных условиях и стараются действовать наиболее удобными для себя экономическими способами и в то же время согласовывать свои действия с другой стороной общественного отношения, то число избираемых вариантов поведения постепенно уменьшается. И, наконец, наибольшее распространение получает какое-то одно единое правило поведения. Такие правила могут принимать различный характер (например, нормы морали, обычаи и др.). Они большинством людей признаются и принимаются, то есть становятся легитимными» [4, с. 6].

В только что приведенной цитате отсутствует доказательство того, что «большинство норм права в отношениях людей формируются стихийно». Вдобавок и сам автор последней идеи ее опровергает.

Он это делает, сначала утверждая, а затем отрицая более общее суждение, чем только что приведенное. В самом деле, авторская логика

такова. «Право... формируется независимо от воли законодателя... Возникая из других социальных норм, право становится «правом» в собственном смысле лишь тогда, когда его признает государство в лице суда или иных компетентных органов» [4, с. 8].

Юридические правила не всегда возникают из неюридических. Однако в случае наличия неправовой нормы, которая может быть сделана правовой, это стоит осуществить при необходимости принятия последней. Ведь так поступать легче, чем изобретать для юридических нужд специальное правило.

Относительно сути правотворческой деятельности сделано такое замечание. «Цифровизация и развитие иных высоких технологий бросают вызов культурным ценностям, коренным условиям человеческого существования, независимо от его принадлежности к той или иной культуре... Законодатель (субъект правотворчества) уже не выступает как естественный испытатель. Если ранее его задача заключалась в том, чтобы «видеть право в самой действительности... воплотить в законе объективные потребности общественного развития» [6, с. 9], то теперь правотворчество не сводится к простому познанию общественных отношений, но является предугадыванием, конструированием реальности. Таким образом, в понимании сути правотворчества происходят качественные изменения (от поиска права и отражения его в принимаемых нормах до конструирования, преобразования действительности)» [7, с. 70–71].

Следует отметить, что никогда «правотворчество не сводится к простому познанию общественных отношений», оно всегда «является предугадыванием, конструированием реальности». Суть правотворчества не может определяться как «поиск права» хотя бы потому, что до правотворчества права еще нет. И если последнее присутствует, то это результат именно правотворчества как создания или, выражаясь иначе, творчества права, его «предугадывания» и «конструирования».

Иначе и быть не может на протяжении всей истории правового регулирования. Ведь всегда в ней неизменно противостоят друг другу две вещи: отсутствие права и его наличие. Притом наличие является итогом создания права из неправа, то есть творческой деятельности человека.

Несмотря на то, что правовое регулирование, как правило, характеризуется его индивидуализацией, в юридической литературе присутствует следующая идея. Происходящая в ходе цифровизации современная «трансформация

культуры правотворчества» [7, с. 68] предполагает среди прочих вещей «переход от нормативности к индивидуализации правового регулирования» [7, с. 68].

Едва ли это так. В случае реализации только что цитированной идеи правового регулирования больше не будет, ибо оно во всех случаях есть нормативное регулирование. Да и правотворчества тоже не останется. Ведь таковое представляет собой создание именно норм, хотя и специфических, а именно правовых. В итоге цитируемая «трансформация культуры правотворчества» обернется уничтожением последней, что, разумеется, не имел в виду автор обсуждаемой идеи. По его представлениям, культура правотворчества будет продолжаться в условиях цифровизации. В них речь идет лишь о «трансформации... культуры правотворчества» [7, с. 67].

Применительно к цифровизации в юридической литературе сформулировано такое умозаключение: «Цифровизация общественных отношений приводит к тому, что все процессы в обществе, включая правовую сферу, многократно ускоряются. Появляются все новые и новые группы отношений, в том числе складывающиеся в виртуальном пространстве, которые не урегулированы правом. В итоге правотворчество все больше отстает от темпов развития общественных отношений. Пока правотворческие органы обратят внимание на появление новой группы общественных отношений, предпримут усилия по разработке, обсуждению и принятию нормативного правового акта, отношения, складывающиеся под воздействием цифровизации, снова изменятся. В этих условиях процессы цифровизации приводят к тому, что правотворчество приобретает необратимо догоняющий характер. Многие принимаемые нормативные акты устаревают уже в тот момент, когда они вступают в силу» [8, с. 233].

Изложенное умозаключение является противоречивым. Ведь если «все процессы в обществе, включая правовую сферу, многократно ускоряются», то не может быть и речи о том, что «правотворчество все больше отстает от темпов развития общественных отношений» и абсурдно заявлять, «что правотворчество приобретает необратимо догоняющий характер».

Вот почему следует отвергнуть как критикуемое умозаключение, так и многочисленные ему подобные – более или менее обширные. Скажем, неправ Д. А. Пашенцев, написавший следующее. В условиях цифровизации «под воздействием мощных информационных потоков

общественные отношения меняются так быстро, что право не успевает вовремя реагировать на эти изменения. В итоге наблюдается такой феномен, как прогрессирующее отставание правовых норм от потребностей реальной жизни» [9, с. 134]. Неправы также и по той же причине И. Д. Ягофарова [10, с. 10], А. А. Арнаутова [11, с. 33] и Д. В. Карпец [12, с. 305].

Как заметил последний исследователь, из трех только что отмеченных, «в этих условиях» [12, с. 305], то есть тогда, когда «правотворчество все больше отстает от темпов развития общественных отношений» [12, с. 305], по его словам, «возникает тенденция к снижению роли правовых актов в регулировании общественных отношений, к возможному появлению новых, еще не известных регулятивных систем, в том числе, возможно, квазиправовых регуляторов. Такая тенденция может привести к утрате правовыми актами своей роли, что скажется и на правотворческой деятельности» [12, с. 305; 13, с. 5–16].

Однако поскольку упомянутых Д. В. Карпцом, а именно «этих условий» нет, то отсюда ясен такой вывод. Отсутствуют и указанные названным автором последствия из них, о которых раньше Д. В. Карпеца писали Д. А. Пашенцев и М. В. Залоило. Д. А. Пашенцев и М. В. Залоило заявляли, что в условиях догоняющего характера «правотворческой деятельности... возникает тенденция к снижению роли правовых актов в регулировании общественных отношений, к возможному появлению новых, еще не известных регулятивных систем, в том числе, возможно, квазиправовых регуляторов [авторы сослались на работу: 13, с. 8]. Такая тенденция может привести к утрате правовыми актами своей роли, что скажется и на правотворческой деятельности» [8, с. 234].

Выводы проведенного исследования таковы. Во-первых, результатом правотворчества являются все формальные источники права без какого-либо исключения. Сама правотворческая деятельность является процессом по их созданию.

Во-вторых, идея о том, что право зарождается при правообразовании и затем при правотворчестве закрепляется в формальных источниках права, так что правообразование и правотворчество вместе есть правоустановление, некорректна.

В-третьих, предметом правотворческой деятельности в обществе не являются правила, которые получили всеобщее признание его членов, то есть претворяются в жизнь всеми этими людьми.

В-четвертых, правотворчество никогда не представляет собой стихийный процесс. Оно во всех случаях выступает сознательной деятельностью представителей суверенной власти в обществе.

В-пятых, никогда «правотворчество не сводится к простому познанию общественных отношений», оно всегда «является предугадыванием, конструированием реальности». Суть правотворчества не может определяться как «поиск права» хотя бы потому, что до правотворчества права еще нет. И если последнее присутствует, то это результат именно правотворчества как создания или, выражаясь иначе, творчества права, его «предугадывания» и «конструирования». Иначе и быть не может на протяжении всей истории правового регулирования. Ведь всегда в ней неизменно противостоят друг другу две вещи: отсутствие права и его наличие. Притом наличие является итогом создания права из неправа, то есть творческой деятельности человека.

В-шестых, происходящая в ходе цифровизации современная трансформация культуры правотворчества не предполагает переход от нормативности к индивидуализации правового регулирования. Правовое регулирование не может не быть нормативным по самой своей сути.

В-седьмых, ошибочно следующее умозаключение: «Цифровизация общественных отношений приводит к тому, что все процессы в обществе, включая правовую сферу, многократно ускоряются...» [8, с. 233].

Причина ошибочности этого умозаключения такова. Если «все процессы в обществе, включая правовую сферу, многократно ускоряются», то не может быть и речи о том, что «правотворчество все больше отстает от темпов развития общественных отношений», и абсурдно заявлять, «что правотворчество приобретает необратимо догоняющий характер».

В-восьмых, отсутствуют следующие выделенные в юридической литературе последствия цифровизации. «Возникает тенденция к снижению роли правовых актов в регулировании общественных отношений, к возможному появлению новых, еще не известных регулятивных систем, в том числе, возможно, квазиправовых регуляторов. Такая тенденция может привести к утрате правовыми актами своей роли, что скажется и на правотворческой деятельности».

Разумеется, эти выводы не есть истина в последней инстанции. Однако в каждом из них присутствует рациональное зерно. Хочется надеяться, что верные суждения из указанных заключений будут восприняты теоретиками и

практиками правового регулирования и претворены в жизнь с пользой для отечественного, да и для зарубежного правотворчества.

Список источников

1. Румянцев М. Б. Понятие, виды и признаки правотворчества // Государство и право. 2017. № 4. С. 98–101.
2. Сапун В. А., Турбова Я. В. Правотворчество и законотворчество: стратегия и тактика формирования права и закона // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 679–682.
3. Амелин Р. В. Использование государственных информационных систем как форм (источников) права: перспективы и проблемы // Вестник Московского университета. 2021. № 4. С. 3–15.
4. Афанасьев В. С. Правообразование и правотворчество // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 1 (4). С. 4–14.
5. Комаров С. А., Малько А. В. Теория государства и права: учебное пособие. Рекомендовано Советом по правоведению УМО университетов Российской Федерации. Москва: Издательский Дом "Инфра-М", 2003. 480 с.
6. Керимов Д. А. Культура и техника законотворчества. Москва: Юридическая литература, 1991. 160 с.
7. Залоило М. В. Постиндустриальная культура правотворчества: новый образ реальности // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4. С. 65–72.
8. Пашенцев Д. А., Залоило М. В. Воздействие современных цифровых технологий на содержание и характер правотворческой деятельности: теоретико-правовой аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 231–235.
9. Пашенцев Д. А. К вопросу о влиянии цифровых технологий на правотворчество и правоприменение (постановка проблемы) // Российское государственное управление. 2018. № 4. С. 131–137.
10. Ягофарова И. Д. Цифровые технологии в правотворческой деятельности: теоретико-правовой аспект // Пролог: Журнал о праве. 2021. № 2. С. 4–10.
11. Арнаутова А. А. Цифровизация правотворческой деятельности // Электронный научный журнал «Век качества». 2019. № 2. С. 32–42.
12. Карпец Д. В. Влияние цифровых технологий на правотворческую деятельность государства // Вторые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н. А. Пьянова: материалы конференций, 6 и 14 ноября 2020 года / отв. ред. и сост. М. Ю. Спириной; [науч. ред. С. Ю. Суменков, И. А. Кузьмин]. Иркутск: Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, 2021. 500 с.
13. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.

References

1. Rumyantsev M. B. The concept, types and signs of lawmaking. *State and law*, 2017, no. 4, pp. 98–101. (In Russ.)
2. Sapun V. A., Turbova Ya. V. Lawmaking and lawmaking: strategy and tactics of the formation of law and the law. *Legal technique*, 2015, no. 9, pp. 679–682. (In Russ.)
3. Amelin R. V. Use of state information systems as forms (sources) of law: prospects and problems. *Bulletin of Moscow University*, 2021, no. 4, pp. 3–15. (In Russ.)
4. Afanasyev V. S. Law education and lawmaking. *Legal science and law enforcement practice*, 2008, no. 1 (4), pp. 4–14. (In Russ.)
5. Komarov S. A., Malco A. V. Theory of State and Law: Textbook. Recommended by the Council for Legal Studies of the UMO of Universities of the Russian Federation. Moscow: "Infra-M" Publ., 2003. 480 p. (In Russ.)
6. Kerimov D. A. Culture and technology of lawmaking. Moscow: Yurid. lit. Publ., 1991. 160 p. (In Russ.)
7. Zaloilo M. V. Post-industrial culture of law-making: a new image of reality. *Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA)*, 2022, no. 4, pp. 65–72. (In Russ.)
8. Pashentsev D. A., Zaloilo M. V. The impact of modern digital technologies on the content and nature of law-making activities: theoretical and legal aspect. *Legal science and practice. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4 (44), pp. 231–235. (In Russ.)
9. Pashentsev D. A. On the issue of the influence of digital technologies on law-making and law enforcement (formulation of the problem). *Russian State Studies*, 2018, no. 4, pp. 131–137. (In Russ.)
10. Yagofarova I. D. Digital technologies in law-making activity: theoretical and legal aspect. *Journal of Law*, 2021, no. 2, pp. 4–10. (In Russ.)
11. Arnautova A. A. Digitalization of law-making activity. *Century of quality*, 2019, no. 2, pp. 32–42. (In Russ.)
12. Karpets D. V. The influence of digital technologies on the law-making activity of the state / The second International Theoretical and Legal readings named after Professor N. A. Pyanov: Conference proceedings, November 6 and 14, 2020 / ed. and comp. M. Y. Spirin; [by ed. S. Y. Sumenkov, I. A. Kuzmin]. Irkutsk: Interregional Association of Theorists of State and Law, 2021. 500 p. (In Russ.)
13. Khabrieva T. Ya. Law before the challenges of digital reality. *Journal of Russian Law*, 2018, no. 9, pp. 5–16. (In Russ.)

Информация об авторах

С. А. Дробышевский — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета;
Н. С. Красовская — старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета.

Information about the authors

S. A. Drobyshevsky — Doctor of Sciences (Law), Professor, head of the department of theory and history of state and law, Institute of Law, Siberian Federal University;
N. S. Krasovskaya — senior lecturer at the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute of the Siberian Federal University.